

Но, если ты будешь приходить когда вздумается, я не буду знать, на какое время настраивать сердце.

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

0. РАСКРЫВАЮЩАЯ МИЛЦИЯ

Саша улыбалась. До отправления поезда оставался почти час. Пока можно было просто застыть, просто подумать о предстоящей дороге. Спокойно посидеть в полупустом прохладном зале ожидания. Снять мокасины, вытянуть ноги на соседнее кресло. Представить, как много прекрасного впереди.

Впереди была Анимия, долгожданный Эдем Сашиного детства. Город, погруженный в вечную умиротворенность, в сытый сверкающий полдень. *Уже совсем скоро, думала Саша, этот город наконец-то станет реальностью.* Уже через считанные часы перед ней развернется долгожданное пиршество красок. Сначала в окне поезда возникнут оливковые рощи, заструится по теплему ветру влажное серебро листвы. Гордо и неторопливо начнут подниматься по склонам сочно-зеленые виноградники. А вдалеке слепящим ярко-синим пламенем запылывает море.

Затем появится сам город — горячий, сонный, добродушно расслабленный. Саша выйдет из поезда, пройдет через здание вокзала и сразу окунется

в уличную пестроту, пропитанную безмятежным радостным светом. Анимия тут же примет ее, тут же раскроет перед ней свои объятия. Зажурчит фонтан в виде райского павлина, вытянется Центральная улица, мерно дышащая зеленовато-пятнистыми вековыми платанами. Будут множиться, густеть всевозможные лавочки, винные погреба, пекарни. Чуть дальше засияют сливочно-белые шероховатые стены домов, зарумянится черепица крыш. Саша будет долго и неспешно идти сквозь тенистые переулки, сквозь уютные площади, беспечно дремлющие под зонтами пиний. Мимо садов, укутанных сладким красочным маревом олеандров. Из открытых дверей и окон польются упоительные запахи: горячего теста, кофе, пряностей, раскаленного оливкового масла с чесноком. Заговорят друг с другом колокольни церквей, начнут спорить, перекикивать друг друга, но в их многослойном звоне все будет о радости, об успокоении. А в какой-то момент перед Сашей распахнется бескрайний морской рынок. И тогда все вокруг засверкает рыбьей чешуей, запестрит ломтями рыбьей плоти. Саша потонет в головокружительном солено-йодистом духе морской утробы. С жестяных поддонов, набитых колотым льдом, на нее будут смотреть ярко-розовые панцири креветок, серо-сиреневые щупальца осьминогов, зеленовато-коричневые клешни лобстеров. И блестящие черные раковины мидий — еще не раскрывшихся, еще живых...

У Саши в кармане лежал билет в один конец. Пришла пора навсегда покинуть родной

Тушинск — город, наполненный дорогими воспоминаниями, но нестерпимо тесный, давящий. Как неудобная обувь. Последние несколько дней Саша проходила в неудобных туфлях, и ноги теперь ужасно болели и нарывали. В тесном родном городе Саша проходила много лет. Тушинск давил на нее со всех сторон, не давал расправить плечи. Не отпускал в Анимию. И, конечно, боль после этого многолетнего сдавливания оказалась несравненно сильнее, чем после ношения жмущей обуви. Но теперь все было позади. Тесная обувь и тесный город остались там, по ту сторону вокзальных дверей. Уже сейчас, глядя на непрерывные обновления вокзального табло, Саша чувствовала, как обновляется и она сама. Каждой своей клеткой. Ощущение близкой дороги нарастало, опьяняло, высвобождая внутри что-то важное, теплое, целебное. Боль вот-вот должна была отступить.

Напротив Саши сидел мужчина — темноволосый, зеленоглазый, с тонкими заостренными чертами. Он казался Саше воздушно-легким, сухим — словно склеенным из бумаги. Словно готовым в любой момент унести по ветру или вспыхнуть багряным пламенем от малейшей искры. Мужчина играл со своим сыном. Малышу было года два, возможно, чуть больше. Он бегал вокруг ряда соединенных кресел, на одном из которых сидел его бумажно-невесомый отец. Всякий раз, когда ребенок пробегал мимо, мужчина изображал, что пытается его схватить, а малыш с визгливым смехом уворачивался и продолжал наматывать круги.

Саша почти не смотрела на ребенка — он только мелькал на периферии ее зрения. Она смотрела

на мужчину. *Не то чтобы красивый, но что-то есть*, подумала Саша.

Мужчина встретился с ней взглядом и улыбнулся — легко, бездонно, как будто не только лицом, а всей своей воздушной сущностью. От этой улыбки Саша почувствовала сладостно охлаждающее падение внутрь себя — как когда-то в детстве, в парке аттракционов, на спуске с самой высокой горки. Стремительное скатывание в неведомую пропасть собственного нутра. Саша улыбнулась в ответ.

И вдруг она заметила краем зрения, что малыш застыл и очень внимательно, почти тревожно посмотрел в ее сторону. Внутреннее падение тут же прекратилось. Почему-то стало не по себе: будто в ночной квартире внезапно замолк привычный фоновый гул и возникла плотная непроницаемая тишина. Неуютная. Угрожающая. Саша перестала улыбаться и медленно перевела взгляд на странно замершего и притихшего ребенка. Малыш пристально ее разглядывал. Что-то очень знакомое и в то же время едва ли не зловещее смотрело из беспокойных маленьких глаз, вдруг ставших совсем не по-детски серьезными, остро сосредоточенными. Словно что-то в этом взгляде пыталось выдернуть из глубины ее мыслей тщательно запрятанные воспоминания. Или предчувствия.

Но прошло несколько секунд, и малыш снова начал резвиться как ни в чем не бывало. Вернулся к привычной веселой беготне. Его взгляд сделался беззаботным и быстрым, а напряжение растворилось в детской хаотичной подвижности. *Показалось*, выдохнула Саша. И к ней сразу возвратилось

ощущение предстоящей дороги, сотканное из радостного трепетного ожидания.

Мужчина продолжал играть с сыном. Время от времени он смотрел на Сашу и улыбался. У него были по-весеннему зеленые глаза, налитые спокойной ясной свежестью. И Саша продолжала улыбаться ему в ответ, вновь и вновь соскальзывая в прохладную внутреннюю невесомость.

По громкоговорителю объявляли об отправлениях и прибытиях. Саше нравилось слушать эти почти непрерывные однотипные фразы — особенно об отправлениях. Ведь за их шаблонной бесцветностью и холодновато-отстраненной формой прячется столько всего будоражащего. Скоро объявят и о том самом поезде, который увезет ее далеко отсюда, в новую желанную жизнь, напоенную густым солнцем. Теперь Саша наконец-то станет привратницей своего Эдема, как ей и мечталось уже столько лет.

От сладостного предвкушения пути закружилась голова. Саша прилегла на соседнее пустующее кресло, положив под голову рюкзак. Небольшой замшевый рюкзак с одеждой и косметичкой — это все, что она взяла с собой. Саша решила отправиться в путь налегке. Да и что еще стоило брать из старой жизни, из тесного, давящего города Тушинска?

Бумажно-невесомый зеленоглазый мужчина тем временем поднялся с места и направился в сторону кофейного автомата. *Интересно, какого поезда он ждет*, подумала Саша, *куда собирается ехать вместе с сыном*. А впрочем, какая разница, все равно им не по пути. Саше в этот раз не по пути ни с кем: Анимия ждет только ее, никого больше.

Шаги мужчины уносились по плиточному полу почти беззвучно. Саша с удивлением отметила, что, поднимаясь с кресла и отходя в сторону, он не взглянул на ребенка.

Странно, что он так резко оборвал игру.

Малыш все еще бегал вокруг кресел, будто не замечая, что отец уже не собирается его ловить. *Или в самом деле не замечая?* От этого одинокого продолжения игры повеяло тонким холодком — словно где-то совсем рядом с горлом медленно проплыло лезвие.

И тут Саша увидела, что мужчина прошел мимо автомата. Он шел вовсе не за кофе. Он приближался к выходу из зала ожидания.

Саша приподнялась на локтях. Как же так, оставить такого маленького ребенка одного, без присмотра... Конечно, всем бывает нужно отлучиться, но почему не взять малыша с собой? Или хотя бы попросить кого-нибудь за ним присмотреть. Ее, например.

Мужчина шел довольно быстро и уверенно. На оставленного сына ни разу не обернулся. Саша смотрела на уплывающую бумажно-легкую спину и все отчетливее чувствовала неприятное щекотание внутри. Будто много маленьких и очень холодных бутонов одновременно пытались раскрыться где-то за грудной клеткой. Распуститься болезненным ледяным букетом.

Саша скинула ноги на пол и посмотрела на малыша. Он по-прежнему смеялся, словно по инерции, но в этом смехе крошечными острыми осколками уже звенел плач. Еще немного, и он осознает, что отца рядом нет.

Разве можно так уходить, вертелось в Сашиной голове, *разве можно?* Куда он? Мальчик вот-вот испугается. И ведь он даже ничего не сказал своему ребенку, перед тем как отлучиться! Просто встал и ушел.

Мужчина покинул зал ожидания и повернул направо, к выходу на платформы. *Он уезжает*, сверкнула внезапная жуткая мысль. Уезжает и бросает собственного сына!

Саша вскочила. Схватила на руки малыша и, не надевая мокасин, побежала следом за отцом, беспечно плывущим сквозь толпу.

— Подождите! Ваш ребенок! Вы забыли ребенка!

Холодные бутоны внутри неумолимо продолжали раскрываться. Мужчина удалялся, нырял в волну снующих мимо тел и снова выныривал на поверхность. Все такой же легкий, не намокающий, почти эфирный. У турникета он на секунду остановился, достал из кармана билет и приложил его к считывающему устройству. Уезжает, он правда уезжает! Сбегает от сына! Решил вот так просто избавиться от малыша. А ведь только что с ним играл!

Саша бежала, почти не замечая жгучей боли в стопах от свежих пульсирующих нарывов. Поскальзывалась на липком плиточном полу, чуть не роняла ребенка, расталкивала нерасторопных пассажиров, которые как будто уплотнялись, постепенно срастаясь в одно сплошное непроницаемое тело. Мужчина уже прошел на платформу и скрылся из виду. Успеть, надо обязательно успеть.

Бежать становилось сложнее с каждой секундой. Ноги тяжелели, словно в них стремительно

стекала вся Сашина кровь. Непреодолимая мучительная свинцовость тянула куда-то далеко вниз, под немытую бежевую плитку, под фундамент вокзала.

Саша крепче прижала к себе малыша, то и дело норовящего выскользнуть, и закричала изо всех сил:

— Стойте! Не дайте ему уехать! Он... он оставил...

Вместо крика получился жалкий протяжный хрип. Саша добежала до турникетов и остановилась тяжело дыша. Где-то далеко, будто под высоким церковным куполом, объявляли о начале посадки на ее поезд. Саша с трудом слышала спокойный безучастный голос невидимого человека-громкоговорителя. Словно чужая речь из внешнего мира прорывалась в ее глубокий сон. Ребенок на руках дергался и хныкал.

Пожилая вокзальная служащая, оторвавшись от обеденного перекуса, медленно и неохотно приблизилась к Саше.

— Что с вами? Что тут у вас случилось?

Саша пыталась объяснить, но от ужаса и негодования не могла. Нужные слова металась по горлу, как острые сухие листья на ветру, но не вылетали.

— Тут просто... тот мужчина... он сейчас зайдет в поезд. У него ребенок!

— Успокойтесь, придите в себя.

Бургристо-отечное лицо служащей выражало усталость и вялое раздражение. Саша вздрогнула и медленно обвела взглядом вокзал. *Придите в себя.* Люди вокруг притормаживали, оглядывались на нее. Смотрели с недоумением, жалостью, любо-

пытством. Многие смущенно опускали глаза и отворачивались, едва столкнувшись с ней взглядом.

Почему все на меня так смотрят, думала Саша и от возмущения захлебывалась в собственных мыслях. Что я сделала? Почему я должна прийти в себя? Это ведь он бросил своего ребенка, а я только...

— Ну так что с вами? Кто должен зайти в поезд, какой еще мужчина?

— Тот самый, который...

Ребенок все еще хныкал. Саша посмотрела на него несколько секунд — сосредоточенно, напряженно, не моргая.

И тут к Саше наконец пришло осознание. И то, что пыталось раскрыться внутри, наконец раскрылось. Это были даже не ледяные бутоны.

— Какой что?

Это было раскрывшееся отчаяние. Раскрывшееся до конца — и потому сразу умершее, перешедшее в жуткое тихое смирение. Как мидия, брошенная в кипяток. Блестящая черная мидия с рыночного лотка Анимии. Пришел тот самый момент, когда мышца перестает сопротивляться, ослабевает, разжимается, и половинки раковины раскрываются, впуская в себя смерть.

Взгляд служащей немного подобрел. Она положила Саше на плечо сыровато-мягкую, словно бескостную руку.

— Просто успокойтесь, так бывает. Теперь уже ничего не исправить. На все воля свыше.

Саша медленно подняла глаза. К ней будто вернулся слух. Полился обычный гул вокзала, смешиваясь с жарким багровым гудением в висках.

Безучастный голос свыше по-прежнему приглашал пассажиров сесть в поезда и отправиться в странствия. Но теперь все поезда казались недоступными, даже нереальными. В том числе и поезд в Анимию. Эдем Сашиного детства снова бесконечно отдалился, снова сделался недостижимым.

Служащая чуть заметно кивнула — словно сама себе, своим собственным инертным мыслям — и ушла доедать оставленный бутерброд.

Саша снова смотрела на ребенка — уже понимая, что в его глазах видит собственные глаза, в его чертах — собственные черты. Уже не пытаюсь внутренне отрицать столь очевидное сходство. Непоправимое безнадежное сходство.

Она не сразу почувствовала, как разрастаются в глазах соленые слезы, как тяжелыми перезревшими гроздьями скатываются по щекам. Около минуты Саша стояла в глубоком оцепенении. Потом навалилась внезапная беспредельная усталость, будто кто-то повесил на Сашины плечи непосильный груз. Перед глазами все потускнело. Мутно-серые, пропитанные солью сумерки отделили Сашу от того, что происходило вокруг.

Малыш испуганно сжался.

— Мама, почему ты плачешь?

Саша не отвечала. Медленно качая головой и прижимая к себе ребенка, она уже шла к выходу из вокзала. Саша возвращалась в тесный, давящий город, в родной неизбежный Тушинск.

1. НЕ АППЕНДИЦИТ

Так все и случилось. По крайней мере, в сухом остатке Сашиных впечатлений. По ее сущностным, глубинным ощущениям, все произошло именно так: стремительно, безжалостно, необъяснимо. В Сашином сознании месяцы жизни спрессовались в одну короткую сцену, наполненную изумлением и терпким немым отчаянием. Если бы Сашу спросили, что на самом деле с ней случилось, она бы, вероятно, рассказала об эпизоде на вокзале — никогда не происходившем в действительности и тем не менее правдивом. Этот ирреальный эпизод был очень отчетливым, очень живым отражением ее состояния и рухнувшего на нее из ниоткуда неподъемного события. Концентрированным экстрактом всего произошедшего с ней абсурда, сказала бы Саша.

Хотя, конечно, в реальности появление мальчика было иным.

В реальности все началось с безмерной, нестерпимой боли.
